

Р2
М30

73

ЭММА МАРЧЕНКО

парусник

ЭММА МАРЧЕНКО

105

P2
M30

парусник

Литателям и
работникам библиотек
и Дворца
стихи
от всей семьи

5812183

Издательство
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
Москва—1970

Центральная городская библиотека
им. М. Ю. Лермонтова
Ленинского района г. Ярославль

пропуск в море

ДЕТСТВО

Такой ли Феодосия была!
Вспоминанья детства так не точны!
А может быть, об этом я прочла,
И все придумал
Сказочник восточный?
Но был же,
Был же старый абрикос,
Касались ветки черепичной крыши...
Он во дворе у нас когда-то рос,
И от плодов он становился рыжим.
И ослик был. Он на зиму возил
Нам антрацит.
Взбиралась я на козлы.
И горы были за двором, вблизи,
И крапинки на их вершинах — козы.
По вечерам спускались с гор стада,
В порту огни таинственно мерцали.
Дома на главной улице тогда
Казались двухэтажными дворцами.
Кончался город берегом морским.
Я не могла на волны наглядеться...
Все изменилось, стало все другим,
Одно лишь море
Синее — как в детстве!

ГЛУБИННЫЙ ЛОВ

Фелюга встала кормою к ветру,
Слетают брызги с крутой волны.
Тяжелых камбал подняли кверху
Из тьмы зеленой, из глубины.

Горячий воздух хватая жадно,
Открыли рыбы большие рты.
На ярко-красных махровых жабрах
Еще осталось чуть-чуть воды.

Рыбачат парни, а их качает.
И отражаются в их глазах
Качанье снасти, качанье чаек,
Воды играющей бирюза.

Ударит ветер, волна умоет.
Кивают парни: берись дружнее!
Корма, качаясь, кренится к морю,
А может, море кренится к ней.

• • •

Вот зеленою краской забор подновил...
Вот смородины куст посадил в палисаде...
Старый грузчик портовый, он все норовил
Что-то вырастить, выкрасить, что-то приладить.

Но однажды гудел репродуктор в углу,
А хозяин на стул опустился без силы.
Умер в праздник, гостей ожидая к столу,
Видно, времени в будничнЫй день не хватило.

**Буду крепко жать им руки,
И смеяться, и шутить.**

**Буду слушать их рассказы,
Где и что произошло...
И на сердце станет сразу
Удивительно тепло!**

ПАПИНЫ ПИСЬМА

Шла с фронта полевая почта,
Тепло солдатских рук храня.
Я помню крупный папин почерк
В коротких письмах для меня.

И помню ночь. Длинные минуты.
Как стоны, мамины шаги.
И помню, шла я в школу утром
И знала: папа наш погиб.

И я крепилась еле-еле,
О горе думая своем.
А письма папины в портфеле
Лежали вместе с букварем.

ПОДАРОК

В магазине туфли в три ряда,
Узкие носы на полках с краю.
Я подарок маме выбираю,
А она уже не молода.

И нужна ей обувь, чтоб не жала:
Не следят за модой старики.
Разлюбила мама каблуки,
Да и не привыкла к ним, пожалуй.

Молодость была ли!
Седина
Да морщинок маминых усталость...
Но навечно в памяти осталась
Та послевоенная весна.

Поезда вернулись из Германии,
А отец наш
В братской спал могиле.
Туфли, предназначенные маме,
Покупали женщины другие.

А сегодня

Мамин день рожденья,

Мне б печаль стереть с ее лица.

Я скажу:

«Вот туфли, ты надень их.

От меня они и... от отца».

• • •

Сады стояли с перезрелой вишней
В пустынных переулках городка,
Когда из балки к палисаду вышел
Казачий конь. Один. Без седока.

Седло сползло. Насторожилось ухо.
Он шел к колодцу — мучила жара.
Коня в окно увидела старуха,
Всплеснув руками, вышла со двора.

Пылал пожар над городом багрово:
Как сноп, вокзал подорванный горел...
Здесь знали все: за скрытую корову,
За лошадь утаенную — расстрел!

А в переулке было тихо-тихо.
Не углядела даже ребятня,
Куда сховала бабка Воробьиха
Спасенного от врага коня.

Корабль недвижим, только мачты
Торчат упрямо из воды...
Над ним, как вдовы, чайки плачут.
Вокруг медузы, как цветы.

Он был в бою подорван миной,
И перед ним земля в долгу...
Лежит подковой город мирный
На недалеком берегу.

В порту, покачиваясь, краны
Товары грузят на суда...
А в корабле гнездятся крабы,
И в трюме — ржавая вода.

Вскипают волны с мачтой вровень...
На ней, негнущейся, прямой,
Фонарь тяжелый установлен
Над затонувшей кормой.

Лишь солнце спрячется за горы
И побледнеют краски дня —
Скользят к судам,

Плывущим в город,
Лучи сигнального огня.

Огонь горит в часы ночные,
Мигая, светит с корабля,
Как будто шлет он позывные
И принимает их Земля.

ПРОПУСК В МОРЕ

Дай мне пропуск в море, пограничник!
Вместе с рыбаками пропусти.
За меня ответственности личной
Не придется никому нести.

Не пугай меня морской болезнью,
Качкою напрасно не страши.
Я ведь лучше знаю, что полезней,
Что нужнее для моей души.

Ты пойми, я выросла на юге.
Мне в разлуке чудятся всегда
Легкие рыбацкие фелюги,
Выгнутая синяя вода.

Я мечтала в детстве стать рыбачкой.
Я встречала на молу восход..
Не пугай меня морскою качкой,
Мне как раз ее не достает!

Не идет кефаль. Пустуют сети.
Бригадир расстроен и сердит.
И баркас напрасно на рассвете
В сонном море воду бороздит.

Солнце прямо из воды восходит,
А вода — зеленое стекло!
Бригадир покоя не находит,
По песку ступает тяжело.

У сетей, где водорослей запах,
Замерли на вышках рыбаки.
Время лова: нынче или завтра
Приплывут кефали косяки.

Будут сети полны до отказа,
Чайки заснут по сторонам,
Заиграют над кормой баркаса
Брызги с чешуею пополам.

РЫБАЧЬЕ УТРО

Сеть перебирали напряженно,
Наклонялись над кормой без слов.
К сапогам сползал большой,
Тяжелый,
Словно ртуть, трепещущий улов.
Мелкую рыбешку на свободу
Вытряхнули в море, чтоб росла.
Снова сети опустили в воду,
Водоросли сбросили с весла.
И поплыли, разбивая пену.
Медленно гребли — не налегке!

...Утренний автобус, самый первый,
Только показался вдалеке.

КРАБ

Поймали краба водолазы
На дне морском, где меркнет свет.
Он, желтобрюхий, пучеглазый,
Жил под камнями много лет.

Ему спина — лиловый панцирь—
Служила прочною броней.
Как угрожал он нашим пальцам
Своей тяжелой клешней!

Он был по-своему красавец.
Мы, чудо-пленником гордясь,
Решили море предоставить
Ему, зачерпнутое в таз.

Краб жил в тазу, ел мясо чинно.
Мы так заботились о нем!
Но яркий панцирь, дар пучины,
Тускнел у краба с каждым днем.

Краб словно не был рад, что выжил.
Хоть тронь — спокоен все равно:
Клешни уперлись неподвижно
В эмалированное дно.

МОРСКАЯ ВОДА

С чем я сравню
Прозрачность эту!
Я различаю в глубине
И пятна солнечного света,
И каждый камушек на дне.

Плыву,
И тень мою пугливо
Обходит рыба стороной.
Морской травы густая грива
Чуть шевелится подо мной.

Нырну —
И словно чья-то сила
Меня толкает вверх со дна.
Вода!
Она на вид красива,
На вкус горька и солена.

Она блестит, качаясь сонно.
И завораживает взор,
Вдали сливаясь с небосклоном,
Ее развернутый простор.

НА БЕРЕГУ

Я прятала портфель под камень
И прибегала налегке.
Вернулась лодка с рыбаками,
Сушились сети на песке.

Еще корма блестела влажно
В кольце ребяческих голов,
А рыбаки ходили важно
И на весы несли улов.

Они вставали в рань любую,
Не разговаривали зря.
И розовела барабуля
У них в корзинах, как заря.

А мне земля казалась тесной,
И море синее влекло.
И было самым интересным
Из всех —
рыбачье ремесло.

РЫЖИЙ ВОР

Замер дед, схоронясь за ограду.
В лунном свете качнулась лоза.
Так и есть: под кустом винограда
Тонкой мордочкой водит лиса.

Что ни полночь, у сторожа кража.
Но тоскует по зверю заряд...
Зря, что ль, бабы за кустиком каждым,
Как за малым ребенком, глядят.

Каждый куст их руками подвязан,
Зреют гроздья у самой норы.
Дед пальнул из ружья и... промазал,
Только эхо скатилось с горы.

Словно не было рыжего вора,
На кустах от луны полоса...
Как тут бабы уймешь разговоры,
Что мерещится деду лиса!

* * *

В этом доме
Как будто живых не осталось:
Как вода, затопила его тишина,
Придавила к земле
Одинокая старость
Все четыре его
Невысоких окна.
Наплывают деревья
Зеленым массивом
На скрипучие створки
Забытых ворот,
И лежат на земле
Перезрелые сливы —
Если дом опустел,
Кто же их соберет!
Только кукла сидит
На дровах, за сараем.
Полиняла одежда на ней
От дождя,
Только летний сквозняк
Занавеской играет,
Самовольно
По дому пустому бродя.

Дремлет пес под окном.
[А ведь был неумный.
Да, наверно, сломила его тишина...]
И седая старуха
Включает приемник,
Чтоб казалось,
Что в доме она —
Не одна.

БАХЧИСАРАЙСКИЙ ФОНТАН

Здесь легендами стены обвиты,
Словно темной листвою плюща...
Ханский трон.
Раболепная свита
На коленях ползла,
Трепеща.
Хан был властен
Над душами всеми,
Да не властен он был над своей.
Снова
Девочку в тесном гареме
Вспоминал удрученный Гирей...
Приходил —
А рабыня не рада,
Все глядела зверьком из угла:
Не узнать,
От болезни, от яда,
От тоски ли она умерла.
И фонтан
В знак владычьеи печали
Возвели,
Чтоб на мрамор доски
За слезою слезу источали
Этих выбитых роз лепестки.

БАХЧИСАРАЙСКИЙ ФОНТАН

Здесь легендами стены обвиты,
Словно темной листвою плюща...
Ханский трон.
Раболепная свита
На коленях ползла,
Трепеща.
Хан был властен
Над душами всеми,
Да не властен он был над своей.
Снова
Девочку в тесном гареме
Вспоминал удрученный Гирей...
Приходил —
А рабыня не рада,
Все глядела зверьком из угла:
Не узнать,
От болезни, от яда,
От тоски ли она умерла.
И фонтан
В знак владычьеи печали
Возвели,
Чтоб на мрамор доски
За слезою слезу источали
Этих выбитых роз лепестки.

Но дворец был по-прежнему душным,
В нем раздолье — плетям да ножу...
Говорите — любви!
Равнодушно
Я на слезы фонтана гляжу.

ЧАБАНЫ

Пожелтевшие травы, куда ни взгляни,
Да седая полынь над буграми.
За отарами следом идут чабаны
По степи,
Опаленной ветрами.

Впереди —
Только небо со степью впристык...
Овцы в кучу сбиваются — жарко,
И свисает беспомощно мокрый язык
Из разинутой пасти овчарки.

Степь живет, задыхаясь в полуденный час,
Вся в колючках и сусличных норах.
И, надвинув лохматые шапки до глаз,
Чабаны собираются в город...

Уходили иные и прятали взгляд,
Но потом возвращались:
Привычка!
И широкая степь принимала назад
Несговорчивых тех,
Горемычных.

Были зноем кусты и трава сожжены
Под высоким безоблачным небом.
Далеко от шоссейных дорог
Чабаны
Снова шли за отарами следом.

НА АУКЦИОНЕ

Помнишь, продавали лошадей?
Иностранцам. На аукционе.
Черные, гнедые — всех мастей
Гарцевали холеные кони.

И к себе оборотила лица,
Разомкнула торгашей уста
Рыжая степная кобылица
С белым шелком гривы и хвоста.

Восхищенье вырвалось, как стон...
Наши степи словно обобрали:
Выложили доллары на стол,
А зарю и ковыли — забрали.

ПАРУСНЫЙ КОРАБЛЬ

О да, я только парусный корабль,
И все-таки я есть, я существую.
Мой экипаж неутомим и храбр,
Я с ним плыву в погоду штормовую.

Я тесный порт покинул. Позабыл
Его огни и очертанье суши.
И желтое смешалось с голубым —
Песчаный берег с маревом воздушным.

Мне паруса окрасила заря,
И потому их цвет, глядите, розов.
А впереди — далекие моря,
Развернутые крылья альбатросов.

Я мчусь, как птица, на восходе дня,
И море волны за кормою катит,
Хоть умер тот, кто рисовал меня, —
Тот неизвестный мастер и мечтатель.

БЫТЬ, СЛОВНО МОРЕ...

Быть, словно море.
С облачком любим,
Закрывшим солнце,
Изменяться в цвете.
И голубеть
Под небом голубым,
И бушевать,
Когда бушует ветер.
Пусть утром — штиль,
А вечером — прибой.
Перерождаться каждый миг...
И все же,
Все отражая,
Быть ни с чем не схожей,
Быть, словно море:
Лишь самой собой.

Воздвизая над деревенской крышей

НАЗВАНЬЯ ДЕРЕВЕНЬ

Растет ольха,
Да ель глядит сурово,
А у стволов незыблемая тень.
Олехово, Суглобино, Корцово —
Названия окрестных деревень.
Как хорошо, что я сюда приехала:
Сквозь кроны пробиваются лучи,
И кажется, Олехово, как эхово,
В глуши лесной, в нетронутой, звучит.
А мне нейдет.
Почему Суглобино! —
Допытываюсь я у тишины.
Не оттого ли, что зимой сугробами
До самых крыш дома занесены!
И отчего название Корцово!
Весна, ручьи, скворечни на шестах,
Наверное, Корцово — от скворцова!
Что ж, может, так, а может, и не так.
А за рекой — Коломино.
Деревня.
А в ней всего — изба, одно жилье!
Но кажется, извечно, как деревья,
Старинное название ее.

СУЗДАЛЬ

Я долго-долго буду вспоминать
Строенья, окруженные полями.
И тихий Суздаль в памяти опять
Заблещет луковками,
Куполами.
Покажется на миг,
Что я смогла
Проникнуться их древними мечтами:
Я, как природа русская, светла,
Я сарафан свой
Вышила цветами.
Представлю звон
На сотни верст глуши,
Такой торжественный в вечерней выси,
Как будто воскрешение души
И в самом деле
От него зависит.

ОБЛАСТНЫЕ ГОРОДА

Вас много, областные города,
И чем-то вы похожи неизменно.
Теперь везде — в трамваях теснота,
Теперь везде — над крышами антенны.

Все магазины на один манер
И многоместные кинотеатры.
Вот стадион. Вот привокзальный сквер
И поворот трамвая — путь обратный.

А в чем несхожесть? Может, в той реке,
Что вешний лед разламывает звонко.
В неповторимом местном говорке,
В какой-нибудь заброшенной церквенке.

А может быть, в нетронутых лесах,
Чья полоса за городом синее,
Чья хвойная, угрюмая краса
Запоминается всего сильнее.

Пускай у ваших у широких плеч
Плывет туман неоновом свете,
Вам, областные города,
беречь

Родного края тихие приметы.

ДЕРЕВЬЯ

**Я мучусь над строкою о деревьях.
В ней тесно им,
Ветвистым и большим.
На их стволах,
Коричневых и древних,
Прорезана густая сеть морщин.**

**Деревья! Я такими их видала,
Они роняли надо мной росу,
Когда за Волгой я была недавно
В деревне, затерявшейся в лесу.**

**По вечерам, едва видна за ветками,
Деревня зажигает огоньки.
В ней женщины,
Как в окнах свет, приветливы.
И крепки, как деревья, старики.**

**У них ладони от работы грубые —
У жителей заволжской стороны.
На их руках мозоли, как зарубины,
А трещинки шершавые темны.**

Я эти руки вспоминаю с робостью,
Они все время заняты трудом..
Я на деревьях только силы пробую,
Чтобы о людях написать потом.

* * *

Умирают зимние березы

Не свою смертью —

от пилы!

Подрагивают в воздухе морозном

Црепкие, упругие стволы.

Высоки. Замедленно паденье.

Но конец настал, как ни тяни!

Может, жизнь

от самого рожденья

Испоминают, падая, они.

И нельзя найти тут виноватых,

И тяжел у лесорубов труд.

Но шумят березы глуховато

И невольно за душу берут.

Чтоб земля им не казалась

грубой,

Перед ними стелются снега...

Ударяет в лица лесорубов

Поднятая ветками пурга.

* * *

И опять, опять простор великий,
На лугах весенние цветы...
Есть во мне хоть малая толика
От твоей, Россия, красоты?

Или все волненья и тревоги
У меня

лишь о себе одной,
И напрасно щедрые дороги
Расстилала ты передо мной,

На хлебах своих меня растила
И дарила по утрам зарю!
Я стою перед тобой, Россия,
Как на исповеди, говорю:

Если для себя желаю славы,
Если завелась во мне корысть,
Ты лиши меня святого права —
О тебе, Россия, говорить.

Всё дела у бабки непочатые.
Разве ей управиться одной!
Я на танцы не пошла с девчатами —
К бабке собралась под выходной.

Говорит она сердитым голосом,
Ждет свою Буренку у ворот.
Я со лба отбрасываю волосы
И копаю бабкин огород.

От углей в печи у бабки зарево:
Докрасна топиться молоку.
Я устала бабку уговаривать
Переехать в город за реку.

С переменами она не мирится,
А без внучки жить не по годам.
«Разве что Буренушку, кормилицу,—
Говорит, — по осени продам».

★ ★ ★

Хлеб погуще посолила:
На-ка!
А онадохнула молоком
И ржаной ломоть,
Солёный, лакомый,
Сразу весь слизнула языком,
А наутро —
Чемодан порожний...
Расставанье...
Росная трава...
На дороге кто-то осторожно
Моего коснулся рукава.

Оглянулась, обомлела:
Сзади —
Глаз коровий,
Лиловат и строг.
То ж она,
Единственная в стаде,
У которой переломлен рог.

С луговин
Еще прохладой веяло.

Щелкал кнут,
Покрикивал пастух...
Подошла, бодливая,
Поверила
В человеческую доброту.

* * *

Лес все темней, все ярче звезды,
А мы с тобой опять в пути.
Опять дороги дальней версты
Ведут нас
В глубину Руси.
А там —
Бревенчатые стены,
Вид неизменно избяной.
Там словно аисты,
Антенны
Застыли на ноге одной.
И утром,
Сквозь туман над пашней,
Мы разглядим издалика,
Что, как Останкинская башня,
Ель на опушке высока.
А небо —
Низкое над крышей,
И речка тихая течет...
Там тихо так,
Что ясно слышен
Летающий где-то самолет.

БОГАТСТВО

Мы встаем с зарею рано утром.
И, покинув теплые постели,
Боровки раскапываем, будто
В этом поле кем-то клад потерян.
Клад, конечно, выдумка.

Ну, просто

Собираем мы картофель крупный.
И лежит перед глазами россыпь —
Белые и розовые клубни.
Мы не видим, как пылают клены,
Как в стогах душистых травы гаснут.
Кажется: склоняемся в поклонах
Над землей,
дающей нам богатство.

* * *

Я вышла из избы и поняла,
Что я забыла, что такое звезды.
Стояла тишина, и было поздно,
А за избой в лесу таилась мгла.

Над головой струился синий свет.
Казалось, что от этих звезд забытых,
Таких необычайных, первобытных
Свободного на небе места нет.

Они сияли в темной глубине.
А на опушке елка, словно лестница,
Подставленная к огненному месяцу,
Достань его — манила в стороне.

Но почему-то возвращался взгляд
К созвездиям над деревенской крышей.
И в самом деле, можно было слышать,
Как меж собою звезды говорят.

ЯРОСЛАВЛЬ В СНЕГУ

**Я светлый образ в сердце берегу:
У зимней Волги Ярославль в снегу.**

**Над Волгою крутые берега
Смягчились, облаченные в снега.**

**А городские площади белы,
Как для гостей накрытые столы.**

**Во всех трамваях окна изо льда,
Белы деревья, крыши, провода.**

**И лишь красна морозная заря,
Как праздничный листок календаря.**

ПЕРЕУЛОК

Столбы да провода —
Обычный переулок.
Но в нем стоит всегда
Горячий запах булок.

И кажется — хрустит
Его душистый воздух.
Здесь сходятся пути
Машин к хлебозаводу.

Он спит под шорох шин,
Он от моторов гулок.
В нем даже от машин—
Горячий запах булок.

ПОЕЗД ИЗ ХАБАРОВСКА

Он весь в пыли. Он весь в подтеках.
Он только прибыл на вокзал.
Но смотрят из-за тусклых стекол
Нетерпеливые глаза.

Москва!

Платформы.

Электрички,

Блестящие от чистоты.

А поезд от ветров коричнев,

И к поезду несут цветы.

* * *

Если правда, что на расстоянье
Мысль передается иногда,
Ты проснешься, лишь в окно заглянет
С неба полуночного звезда.

Ты протянешь к книжной полке руку
И вздохнешь тревожно: нет, не то...
И начнешь звонить зачем-то другу,
И накинешь на плечи пальто.

Будет сердца стук, как гул набата.
Тень твоя метнется на стене.
Ты пойдешь по спящему Арбату,
Как по заколдованной стране.

Под холодным взглядом манекенов,
Под огнем изменчивых реклам...
Словно встречи ожидая с кем-то,
Будешь ты смотреть по сторонам.

Но пока ты глаз моих не вспомнишь,
Голоса не вспомнишь моего,
Не зови ты никого на помощь,
Не придет она ни от кого.

Тонкий месяц выплывет к зениту,
Промелькнет такси и — тишина..
Словно стрелка компаса к магниту,
Мысль моя к тебе устремлена.

* * *

В час, когда за огромные зданья
Провалилась куда-то луна,
Бескорыстная преданность даме
В самом деле, наверно, смешна.

Но, прощаясь с тобою у двери,
Я гляжу на пустой небосвод
И прошу, помоги мне поверить,
Что не умер еще Дон-Кихот.

Я заплачу от счастья, ей-богу,
Если вдруг померещится мне,
Что опять снарядился в дорогу
Славный рыцарь на верном коне.

Нет порою желанья сильнее,
Сколько там ни прочитывай книг,
Чем себя ощутить Дульсинеей,
Хоть на час на один, хоть на миг.

* * *

Я гляжу на знакомых
Открытыми настезь глазами.
Открываю доверчиво сердце,
Замирая на миг.
Словно все они стали
Моими большими друзьями —
Я хотела бы
Что-то хорошее
Сделать для них.
Я хотела бы слышать
На улицах радостный говор.
Я хотела бы видеть
Улыбки на лицах людей,
Потому что узнала,
Что ты приезжаешь в наш город.
А наверно, от счастья
Становится сердце добрей.

* * *

И вот он грянул, ливень с высоты,
Как наше чувство, сильный
и внезапный.

Взволнованно раскрылись все цветы
И источают небывалый запах.

Дождь отшумел, как лишние слова,
И где-то в тихих водостоках замер.
И только плачет мокрая листва,
Как мы с тобой, счастливыми слезами.

Пройдем мы по бульвару много раз,
Пока на небе звезды не погаснут...
В душе звучит мудрейшая из фраз:
«Остановись, мгновенье, ты прекрасно!»

* * *

Здесь различишь еще мои следы,
Прикрытые узорчатою тенью.
Я для тебя придумала сады
С той синей, как у Врубеля, сиренью.

Раздвинулись тяжелые дома.
Я прямо в гроздья распахнула двери.
И красоте поверила сама,
И ты со мной в сады мои поверил.

В них плещется озерная вода
И птицы удивленные ликут...
Ты так всему поверил, что сюда
Привел однажды женщину другую.

И помутнело зеркало воды,
И ты опять ступил на мостовую.
Я для тебя придумала сады,
Но без меня они не существуют.

* * *

За оврагом березы стыли,
Становилось совсем темно.
Кто виновен был: я ли! ты ли!
Или так оно быть должно!

Электричек пустых мельканье,
Дача — временное жилье.
Осень, сумерки и дыханье
Перехваченное мое.

Помню звезд одиноких строгость
И покинутое крыльцо...
Что ж тебя перестали трогать
Мои волосы и лицо!

Или все для тебя привычно,
Все привычно, как шум колес
Увозившей нас электрички
От обманутых тех берез!

СТРЕКОЗА

Я восприняла ее, как чудо,
Стрекозу живую на стене.
Мне спросить хотелось: «Ты откуда
Прилетела в комнату ко мне!

За окном моим не пахнет сеном
И река не прячется в кустах.
Ты неслышно на обои села,
Тонешь в нарисованных цветах.

И боишься, как бы не закрыли
Навсегда окошко за тобой.
Ломкие, трепещущие крылья
Испускают отсвет голубой.

Ты — подарок знойного июня.
Знай, тебе опасность не грозит!
Я тебе признательна, летунья,
За бесцеремонный твой визит.

Ты оттуда, где лазурь бездонна,
Где растут высокие цветы.
Может, ты зовешь меня из дома!
Или просто заблудилась ты!»

У меня в плетеную корзину
Земляники с верхом набралось...
Я искала город стрекозиный —
Радостный и солнечный насквозь.
А тропа передо мной бежала,
Круто поворачивала бэк.
Словно я за ниточку держала
Впереди катящийся клубок.
Я покинула уют домашний
И за сказкой шла на край земли.
И касались ног моих ромашки,
И гудели надо мной шмели.
Но ушла я от ромашек белых,
Все равно их все не соберешь.
И тропинка привела на берег
И свернула в голубую рожь.
И была легка моя корзина,
И неплохо шли мои дела,
Потому что в город стрекозиный
Тропка неприметная вела.

КУКУШКА

Так она неизбывно кукует,
Что невольно почудилось мне —
Не кукует она, а тоскует
От деревни лесной в стороне.

Словно между пичужек свистящих
И вершин, что от ветра шуршат,
Заплутав, надрывается в чаще
Одинокая чья-то душа.

Словно в чем-то ошиблась кукушка,
И немило ей стало житье.
И качают деревья верхушками —
Осуждают, как видно, ее.

Я лесной тишины не нарушу,
Я пойду, молчалива, строга,
И впервые мне ляжет на душу
Неизбывная бабья тоска.

ЖЕНЩИНАМ

Ах, наши повседневные заботы
И запах кухонный — исчадьё зла!
Мы, возвратившись вечером с работы,
Беремся за домашние дела.

У нас уют. Наверно, нашим семьям
Мы посланы счастливою судьбой,
Мы, матери, мы правы перед всеми,
Не правы только лишь перед собой.

Заботы, превращенные в привычку,
В календарях зачеркнутые дни...
Мечты, мечты... далекие, девичьи,
Как нелегко сбываются они!

И все же не всегда мы уступаем.
И не всегда сдаемся. Пусть, устав,
Мы поздно-поздно с книгой засыпаем,
Страницу до конца не дочитав.

* * *

Разгадана, развенчана она.
Голубоватый свет ее — не тайна.
Никто теперь не скажет: «Ах, Луна!»
Ведь это было б сверхсентиментально.

Но Млечный Путь, как снежная метель,
Глядит в окно — холодный и нетленный.
Но луч звезды упал в мою постель,
И нет мечте предела, как Вселенной.

* * *

И будем мы с тобою на Луне,
Вдали от нашей обжитой планеты,
И привыкать к крошечной тишине,
И вспоминать закаты и рассветы.

Мы спустимся по треснутым камням
В пустые, пересохшие лощинки,
И будут зябко прилипать к ступням
Дрожащие от холода песчинки.

И мы рассудим, что очаг и дом
Для нас с тобою на Луне не лишни.
И возле скал разрушенных найдем
Случайно уцелевшее жилище.

В нем жили старцы, мудры и добры,
С седыми, словно пепел, волосами.
Они из света выткали ковры
И даже книги о Земле писали.

Мы различим за мелочью любой
Их строгие, задумчивые лица.
И будет наша грешная любовь
Живым огнем на лунном диске биться.

ОЖИДАНИЕ

Как я встречусь с тобою?
Я знаю, при звоне капли...
Сине-серое, нет, такое,
Как глаза твои, небо в апреле.

Я до встречи, что снится,
Даже, кажется, не доживу,
Чтоб зажмурить ресницы
От улыбки твоей наяву.

Как с тобою я встречусь?
Март еще впереди.
Март. А кажется, вечность —
Столько чувства в груди.

ОСИНЫ

Нет, не просто стройны и красивы,
Но над снегом, в преддверье весны,
Зеленеют, качаясь, осины,
Отряхая тяжелые сны.

Без листвы зеленеют их ветки,
Зеленеют над снегом стволы.
И касаются влажные ветры
Их зеленой весенней коры.

Ветви их, словно руки, воздеты,
Словно руки, воздеты без слов,
Переменчивы отблески света
На русалочьем платье стволов.

И наверно, из чащи дремучей,
Из лесных заповедных глубин,
Принесен этот сумрак на сучьях,
Эта темная зелень осин.

Нет под ними пока что проталин,
Только тени от них на снегу —
Всюду, всюду — я даже представить
Русский лес без осин не могу.

Как ночь без звезд, приходит
равнодушие,
И окружает сердце, как стена.
Ни жара, ни озноба, ни удушья,
И все-таки мне плохо, я больна.

Я перестала различать оттенки
Цветов и звуков, помыслов и чувств.
И целый мир становится застенком,
Но я ищу спасенья и мечусь.

Иду к друзьям — беды не замечают:
Я им кажусь такою, как была.
А я не сплю, а я не сплю ночами
И все хожу от двери до стола.

И я казню себя за те уступки,
За слабость ту, за полуправду ту,
Что медленно и все же неотступно
В беззвездную приводит пустоту.

Что мне птиц улетающих стая,
На траве пожелтелой роса,
Если я все равно городская,
Я вдали от природы росла.

Петухи меня утром не будят,
Лишь трамваи проходят, звеня.
И живут незнакомые люди
В деревнях, обходясь без меня.

На рассвете выходят из дома,
Оставляя ребят на печи.
И скирдуют солому.

Солома —

Как опавшие с солнца лучи.

Города раздвигают границы.
Но становится грустно порой
Оттого, что пугливые птицы
Улетают на юг
стороной.

* * *

Твердо верю в дороги синие,
Хоть они на ухабах дней
Перепутались, словно линии
На худой ладони моей.

Будет трудно мне — не ослабну я,
Будет тяжело — не упаду.
Твердо верю: дорога главная
Та,
 которой сейчас иду.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

В день моего рожденья дарят астры.
И этот день мне нравится самой
Не потому, что хочется мне хвастать —
Прекрасен, правда, день рожденья мой.

Ведь в этот день ни тополи, ни клены
Не устилают листьями земли,
Недвижные, они стоят в коронах —
Осеннего пейзажа короли.

А солнышко не обжигает — греет,
И даль, незамутненная, светла.
И всем хватает — человеку, зверю —
В день моего рождения тепла.

И мне бы стать такой, как время это,
Как этот добрый полдень сентября,
Чтоб было повитухой бабье лето
В день моего рождения не зря.

БАБУШКА

В дни, когда к концу клонилось лето
И осталось на полях жнивье,
Бабушка у нас совсем ослепла —
Солнышко померкло для нее.

Не встречает нас на зорьке ранней,
Не глядит в окошко на поля.
И не знает, что в горшке с геражью,
Как в пустыне, высохла земля.

Нет в избе привычного порядка —
Не хлопочет бабушка с утра.
В избу на экскурсию хохлатка
Выводок приводит со двора.

Сор опять не выметен под лавкой,
Самовар заглохший не кипит.
Лишь платок, заколотый булавкой,
Бабушка тревожно теребит.

И наверно, нет сильнее муки
Для нее, чем этот неуют,
Не привыкшие к безделью руки
Бабушке покоя не дают.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

Снегами все вокруг занесено.
Ночные тени стынут у дороги.
Отяжелел еловый лес.
Темно
В его дремотной и глухой утробе.
Великое нашествие снегов!
Мы, покоряясь тишине, умолкли.
И только слышим
Скрип своих шагов
И видим месяц
На вершине елки.
Вбок не свернешь,
Провалишься по груди.
И мы идем укатанной дорогой.
Она лежит в лесу, как Млечный Путь,
Она ведет
К далекому порогу...
Мы добрались...
В печи алеет жар,
Небрежный кот разлегся на овчине,
А бабушка
Разводит самовар,
Разламывая тонкие лучины.

В окно мороз скребется со двора.
А бабушка рассказывает строго,
Что нынче от заносов
Трактора
В деревню к ним расчистили дорогу.
И засидевшись с нами допоздна
(Пока нас медом потчует и чаем),
Все хвалит председателя она,
Все называет ласково:
— Хозяин...

* * *

Улеглись метели,
Сугробы за деревнею.
Чистый снег лишь тенью
Тронут под деревьями.

И стоят березы
Как будто невесомые.
Ветки их морозом
На небе нарисованы.

* * *

Я радуюсь, как за свою судьбу,
За бабкину лесную деревеньку.
В ней строит кто-то новую избу:
Резной конек, широкие ступеньки...

Здесь много лет не возводили стен
И свадеб много лет не назначали.
А избы так трагически молчали,
Когда их покидали насовсем.

И в этой новой — те же три окна,
Но так светлы обтесанные бревна,
Что показалось — солнышком она
Освещена особенно любовно.

РЕЧКА ИТЬ

По вечерам, торжественным и ранним,
Ить — самая красивая река.
Отражены в ней, словно на экране,
Зажженные зарею облака.

Видны в ней опрокинутые сосны,
Вершинами пронзающие ил,
Как будто многочисленные весла
В речную воду берег опустил.

Взяли в плен косматые деревья
Маленькую волжскую деревню.
На опушке тихий бабкин дом,
Срубленный из бревен топором.
Что в лесу он видел?
Что он слышал?
Пчелы у него жужжат под крышей.
Петухи резные стали старыми..
Мы приемник в горнице поставили.
Даже лес
Шумит теперь по-новому,
Музыкой Чайковского взволнованный..
Выхожу из дома на крыльцо,
Дышит мне черемуха в лицо.
Я стою,
Гляжу в лесную чащу:
Может быть, на озере блестящем,
На волшебном, скрытом от людей,
Я увижу стаю лебедей!

ОБЛАКА

Они плывут издалека
И загораживают небо.
На что похожи облака?
На замок, сделанный из снега.

Их башни, поднятые ввысь,
Как будто в отблесках салюта.
Но чья невидимая кисть
Меняет цвет их поминутно!

Они зарей освещены,
У них края в разводах красных.
И тают медленно они,
Не выдержав накала красок.

ЖАВОРОНОК

Он вверх взлетел со вспаханного поля,
Где только начался весенний сев.
Огромным было небо голубое,
А жаворонок маленьким совсем.

Он трепетал, он заливался свистом,
Все дальше поднимаясь в вышину.
Он был в своем желании неистов —
Прославить наступившую весну!

СОРТИРОВКА

**Ложится пыль поверх загара,
Машина пущена с утра.
Растет, растет в углу амбара
Зерна сыпучая гора.**

**Но далеко до перерыва,
В руках от непривычки дрожь,
А бригадир кричит надрывно,
А что кричит — не разберешь.**

**Здесь происходит сортировка.
Течет пшеница. Поспеши!
Здесь происходит тренировка,
Закалка тела и души.**

**Здесь поминутно пить охота
И не присядешь дотемна.
Здесь отсеваются отходы
От полновесного зерна.**

РОДИНА

Я ушла подальше от вокзалов
В синие заволжские края,
Я тебя до этого не знала —
Ты прости мне, Родина моя!

Не видала этих изб высоких,
Что в деревне строят на года.
Над рекой, заросшею осокой,
Прежде не сидела никогда.

С женщиной, идущей с сенокоса,
Сверстницей, встающей до зари,
Откровенно и по-бабьи просто
Прежде не случалось говорить.

Словно под лоскутным одеялом,
Под цветами луговины те...
Если б знать, как много я теряла
В городской трамвайной суете!

Позабыты мелочные споры.
Я гляжу, дыханье затая:
Здравствуйте, зеленые просторы!
Родина глубинная моя!

ГЛУХОМАНЬ

**Трава отяжелела от росы,
Над тихую деревню светает.
Серебряная молния косы
В густой траве у ног твоих сверкает.**

**За избами — лесная глухомань
И облака в малиновом пожаре.
И в этот край,
И в эту птичью рань
Мы столько дней с тобой не приезжали!**

**Ты помнишь с детства
Луг, опушку, двор.
Косил вот так же дед твой неученый:
Пока роса,
Пока на медосбор
Не прилетали жалящие пчелы.**

**Пылали облака над головой,
И солнце выбиралось из деревьев.
И так же пахло скошенной травой
В лесной, пчелиной, крохотной деревне.**

ВСТРЕЧА

С осенней зяби, по лесному тракту,
Как будто прорываясь сквозь кусты,
Блестя глазами огненными, трактор
Навстречу нам ползет из темноты.

На этом тракте, что проложен в чаще,
В заволжской глухоманной стороне,
Он кажется как дышащим, урчащим
О чем-то
в первозданной ткани.

Мы наугад с дороги отступаем
И на траве невидимой стоим.
И кажется, не темнота слепая —
Сам хвойный лес смыкается за ним.

Нам через лес, в далекую деревню,
Чернеют сосны, нагнетая страх.
А низкий месяц за ветвями дремлет,
И звезды затерялись в облаках.

Наверно, полночь отгорланил кочет,
В окошках свет, наверное, погас...
Усталый трактор все еще рокочет,
В ночном лесу подбадривая нас.

* * *

Опять на землю и на воду
Листва осенняя летит.
И у неприбранной природы,
Посмотришь, — разоренный вид.

Опять осин озябли ветки,
Лес обесптичел и умолк.
Опять дождя густая сетка
Вот-вот повиснет меж домов.

Опять сольются за оконцем
Опушка, поле и река,
И вдруг на миг проглянет солнце,
Прорвав над лесом облака.

И от него, посмотришь, розов
Оттенок вспаханной земли,
Янтарно-светлые березы
Как будто светятся вдали.

Опять поймешь, все это было:
И грусть, и осень у крыльца.
И вдруг поверишь с новой силой —
У жизни вовсе нет конца.

СОДЕРЖАНИЕ

Пропуск в море

Детство	7
Глубинный лов	8
«Вот зеленою краской забор подновил...»	9
«На станции в крымском поселке...»	10
В пути	11
Папины письма	13
Подарок	14
«Сады стояли с перезрелой вишней...»	16
«Корабль недвижим, только мачты...»	17
Пропуск в море	19
«Не идет кефаль. Пустуют сети...»	20
Рыбачье утро	21
Краб	22
Морская вода	23
На берегу	24
Рыжий вор	25
«В этом доме...»	26
Бахчисарайский фонтан	28
Чабаны	30
На аукционе	32
Парусный корабль	33
Быть, словно море...	34
Созвездия над деревенской крышей	
Названья деревень	37
Суздаль	39

Областные города	40
Деревья	41
«Умирают зимние березы...»	43
«И опять, опять простор великий...»	44
«Я из провинции далекой...»	45
«Всё дела у бабки непочатые...»	46
«Хлеб погуще посолила...»	47
«Лес все темней, все ярче звезды...»	49
Богатство	50
«Мне страда осенняя запомнится...»	51
«Я вышла из избы и поняла...»	52
Ярославль в снегу	53
Переулочок	54
Поезд из Хабаровска	55
«Я улетаю в Кукобой одна...»	56
«Если правда, что на расстоянии...»	57
«В час, когда за огромные зданья...»	59
«Я гляжу на знакомых...»	60
«И вот он грянул, ливень с высоты...»	61
«Здесь различишь еще мои следы...»	62
«За оврагом березы стыли...»	63
Стрекоза	64
«У меня в плетеную корзину...»	65
«Слава богу, что есть поезда...»	66
Кукушка	67
Женщинам	68
«Разгадана, развенчана она...»	69
«И будем мы с тобою на Луне...»	70

Ожидание	71
Осины	72
«Как ночь без звезд, приходит равнодушие...» .	73
«Что мне птиц улетающих стая...»	74
«Твердо верю в дороги синие...»	75
День рожденья	76
Бабушка	77
Зимняя дорога	78
«Улеглись метели...»	80
«Я радуюсь, как за свою судьбу...»	81
Речка Ить	82
Лесной профессор	83
«Взяли в плен косматые деревья...»	84
Облака	85
Жаворонок	86
Сортировка	87
Родина	88
Глухомань	89
Встреча	90
«Опять на землю и на воду...»	92

Эмма Васильевна Марченко

ПАРУСНИК

Редактор В. Ермаков

Художник В. Лукашов

Художественный редактор Н. Юсфина

Технический редактор И. Капитонова

Корректор Н. Толстякова

Сдано в набор 23/X-69 г. Подписано к печати 21 IV 1970 г.
Формат бумаги 60×90₃₂. Физ. печ. л. 3,0 Уч.-изд. л. 2,21.
Изд. инд. ЛХП-214. А03066. Тираж 7000 экз. Цена 23 коп.

Бум. № 1.

Издательство „Советская Россия“. Москва,
проезд Сапунова, 13/15.

Орел, ул. Ленина, 1. Типография «Труд».

Заказ № 7202 ж